

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации О. Н. Меркуловой «Метафизика всеединства в поэзии И. Жданова», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Пожалуй, ни одна современная исследовательская работа, посвященная поэтам XX и XXI веков, не обходится без контекстуального вписывания той или иной творческой индивидуальности в определенную художественную парадигму. Поэзия И. Жданова в какой-то степени провоцирует на использование именно такого подхода. Ее можно определить как авангардную, если понимать авангард в качестве «разрушения средствами искусства литературных канонов и норм» (И. Васильев), можно говорить о сюрреализме, основанном на принципе письма как выражении бессознательного (М. Ямпольский), абсурдизме, как «самодостаточном и закрытом текстовом «бытии-в-себе» (Д. Токарев), экспрессионизме, актуализирующем «грандиозный процесс самоотчуждения» (Н. Пестова). Такое впечатление, что творчество И. Жданова «рифмуется» с любой поэтической парадигматикой. Отсюда вписывание его творчество по ведомству постмодернизма (в варианте метареализма) (М. Н. Эпштейн, М. Н. Липовецкий), модернизма (Л.П. Быков, К.А. Кедров, И.В. Кукулин), неомодернизма («высокого модернизма») (Т.Л. Рыбальченко, С.А. Комаров).

Этот научный сюжет очевиден и, конечно, оправдан. Однако **актуальность** и **новизна** предлагаемой к рассмотрению работы определяется тем, что автор, имея в виду апробированный типологический метод (о чем свидетельствует Введение), сознательно и решительно заменяет его методом интерпретационным. Несомненным научным результатом стал изложенный в диссертации богатый комплекс продуктивных, креативно-насыщенных и дискуссионных идей, филологическая реализация которых, и об этом необходимо сказать сразу,

отмечена характерной для известной в России поэтологической школы глубиной, неожиданностью наблюдений, небанальностью исследовательских линий, владением виртуозной техникой анализа текста «повышенной сложности».

О.Н. Меркулова интересуется то «поэтическое состояние языка» (Ж. Женнет), что исключает себя из пределов мира в его повседневных проявлениях и может быть результатом только того творящего «я», которое выпадает из языкового наполнения обыденной реальности, создавая свою версию бытия и свою формулу бытия, то есть корреспондирует с тем языковым состоянием и сознанием, которым говорит и в котором рождается философия. Проблема терминологического определения данного феномена – метафизическая, философская, религиозная, интеллектуальная поэзия, поэтическая онтология, поэтическая метафизика – также поставлена во Введении работы, написанном четко и зрело (заметим, как и весь далее разворачивающийся текст диссертационного исследования). Введение, на наш взгляд, вызывает необходимость только двух уточнений. Недоумение, связанное с номинацией, вызывает определение «научного поэтического языка» как термина, причем нового (с. 16). Возникает и вопрос методологического характера, вызванный безусловным и оправданным вниманием к онтологическим и гносеологическим основам творений поэта при сознательном (?) уходе от аксиологии поэтического мира И. Жданова.

Первая глава «Мыслимый образ всеединого: поэтическая гносеология и онтология» являет определенную научную дерзость диссертанта, заявленную уже в самом названии работы, и реализованную в стремлении соотнести язык философии и язык поэзии. Но содержание главы подтверждает несомненные достоинства и состоятельность ракурса исследования, избранного автором. Исследуя лирическое познание в соответствии с принципом антропности, характеризуя механизмы поэтического выражения принципа дополнительности, соотнося авторефлексию поэта с теоремой Геделя,

определяя самоотрешение как способ экзистенциального переживания, О.Н. Меркулова в постановочной главе демонстрирует корректность исследования: поэзия не становится иллюстрацией философских доктрин, как нередко бывает в работах, посвященных подобной тематике. Автор изящно и своевременно меняет оптику и методику интерпретации, идя за спецификой поэтического материала, сохраняя при этом необходимую дистанцированность от него, являющуюся залогом достаточной научной объективности. В результате уже в этом фрагменте работы появляются точечные, но точные определения основных индивидуально-неповторимых свойств поэтической интонации и образного мышления И. Жданова, которые предстают как «опыт боли», как «формула страдающей человечности», как способность к высокой «духовной концентрации». Главное, на наш взгляд, достижение главы – обнаружение и анализ парадоксальной органики совмещения метафизики всеединства с трагедийным экзистенциальным опытом поэта.

Во второй главе «Всеединое в сфере культуры: религия – этика – творчество» исследуются постулаты духовного самоопределения поэта, характерологические черты его этики, значимость творчества в прозрении-воспроизведении всеединого. Реконструированная исследователем логика поэтического волеизъявления поэта, обусловленная «напряженным процессом вслушивания», особым «резонансом с миром», приводит диссертанта к аргументированному заключению о том, что Иван Жданов как поэт-метафизик предлагает свою, индивидуально-выверенную и выстраданную версию ответа на онтологический вызов, свой вариант «мужества быть»: растворение в языке и растворение в Боге. По мнению автора работы, «слово в поэзии Ивана Жданова в потенциале и в поэтическом откровении обладает глубиной и многомерностью смысла, адекватного такой объемности, которая соразмерна смыслу существования мира и человека» (с. 104). Здесь, думается, диссертант вплотную подходит к

одному из важнейших для русской поэзии XX–XXI веков постулатов – к «оправданию языка» или «лингводицее», своеобразно явившей себя и в творчестве И. Жданова, ибо лингводицея возможна только в поэзии, которая, являясь особым состоянием языка, способна выразить неизъяснимое и впрямую связана с возможностью (воспринимаемой как дар и как наказание) творца к божественному/метафизическому постижению мира/человека. Лингводицея представляет систему, формирующих концептосферу русского поэтического языка, в которой традиционные антиномии верх-низ, мир горний-мир дольний, душа-тело, бытие-быт, поэт-человек находятся в состоянии, не могущем быть определенным в качестве конфликтного, но, скорее, коррелятивно-комплиментарного. Лингводицея – ядро общей картины мира русской поэзии и являет себя в создании особого, порой тайного кода, понятного только посвященным; в утверждении власти Слова над Поэтом, ведомости Поэта Словом, экзистенциальной подчиненности Поэта Слову/Языку («поэт – часть речи»). С точки зрения метафизики – лингводицею русской поэзии определяет следующая система поэтико-философской версии бытия: пророческая сила поэтического слова; сакральный характер самоидентификации русского поэта; мученическая судьба поэта в России как знак его избранничества и мессианства; стихотворение как Жизнетворение и Боготворение («и творчество и чудотворство»); Слово как преодоление смерти и выход в бессмертие; поэзия как высшая этика, оправдывающая существование человека и человечества. На наш взгляд, избранная диссертантом формула, определяющая особое место И. Жданова в ряду поэтов-метафизиков и метареалистов – «метафизическая духовность», вполне вписывает его в пространство классической русской поэзии как XIX, так и XX веков.

Глава третья «Поэтика представления всеединого» сосредоточена на анализе тех индивидуально-неповторимых свойств, что характеризуют образное мышление И. Жданова. В первом параграфе предлагается

исследование парадоксов и очевидностей образной системы И. Жданова. Думается, с точки зрения мастерства анализа поэтического текста – это один из самых сильных фрагментов работы. Обнаружение, название и анализ свойств мира поэта (ощутимость образов, чувственная достоверность, значимость пластичной метафоры, интонационная сила и узнаваемость) приводят к точному по отношению к И. Жданову выводу: его поэзия не словесна, но словна.

Не вызывает возражения выбор во втором параграфе («Метафора как модель мышления: специфика и типология») при анализе метафоризма поэта имен для сопоставления, тем более, что этот выбор аргументированно мотивирован: «Сравнение обусловлено сходством принципов мышления (О. Мандельштам), противоположной направленностью игры (Л. Губанов) и параллельным художественным поиском (А. Парщиков)» (с. 119). Результатом профессионально выполненного анализа становится не только характерологические черты поэзии того, кого сравнивают, но и того, с кем сравнивают. Так и произошло в нашем случае: спираль И. Жданова, но волна О. Мандельштама, иррациональная ассоциативность Л. Губанова и игра эмоционального интеллекта И. Жданова, дискурсивный тип сознания А. Парщикова и интеллектуальный анализ-синтез, характерный для поэтического сознания героя диссертационного труда.

Завершающий главу параграф «Лирическая субъектность отрешённого самонаблюдения» посвящен характеристике организации поэтического нарратива И. Жданова. В нем анализируется такой вариант реализации «Я-субъекта» в поэзии И. Жданова, как лирический повествователь, даются точные замечания о тяготении лирического «я» к определенному самоотчуждению вплоть до имперсональности (от «я» как «ты» до растворения «я» в «мы»). В этом контексте убедительно звучат выводы об отсутствии таких форм авторского проявления в лирике, как лирический герой и ролевой герой, значимости для И. Жданова отрешённых форм

лиризма. Здесь будет уместно привести два высказывания поэта из его работы, посвященной поэту-современнику: «Я познакомился с ним (Евгением Блажеевским – Т.С.) в период своего внутреннего сомнения в понятии “лирический герой”». И еще одно, могущего быть оцененным как характеристика своей поэзии посредством определения чужой, но не чуждой: «Я высказался, как мог, а теперь – слушайте: есть такие голоса, которые сами отвечают за себя» (И. Жданов «Беззащитное мужество Евгения Блажеевского»).

Как любое новаторское исследование, предложенная работа не может не вызвать целый ряд вопросов дискуссионного характера. Обозначим (кроме высказанных по поводу некоторых положений Введения) два из них. 1. Замечание композиционного характера. Вторая глава работы «Всеединое в сфере культуры: религия – этика – творчество» порой повторяет основные положения первой, причем не только смыслово, но и текстуально (см., например, страницы 91 – 92). 2. Замечание лексического характера. Возможно, по отношению к вере и Богу было бы точнее употреблять слово «ревностно», нежели «ревность».

Замечания, высказанные в ходе рецензирования, носят главным образом характер соразмышлений. В целом, на наш взгляд, предлагаемая к рассмотрению работа выполнена на современном литературоведческом уровне, ее концепция внутренне непротиворечива и открывает новые пути исследования феномена поэтической метафизики как существенного и значимого пласта отечественной поэзии. Диссертация хорошо написана, все три ее главы демонстрируют теоретическую и историко-литературную основательность, работу отличает строгая логика исследования, обоснованность и достоверность выводов. Все это делает возможным использование ее результатов в разнообразных филологических областях – в качестве материала для новых научных трудов, в качестве основы для учебных пособий, лекционных курсов.

Автореферат и 10 научных публикаций О.Н. Меркуловой, включающих 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК, соответствуют содержанию диссертации и полностью отражают ее основные концептуальные положения.

Диссертация «Метафизика всеединства в поэзии И. Жданова» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи анализа поэтической метафизики И. Жданова, имеющей значение для развития современной филологии в области изучения основных закономерностей развития отечественной поэзии.

Представленная диссертация «Метафизика всеединства в поэзии И. Жданова» в полной мере отвечает требованиям ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, в том числе пп. 9–11 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г., а ее автор, Ольга Николаевна Меркулова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

12.04.2017 г.

Профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература),
профессор

Татьяна Александровна Снигирева

Подпись Т.А. Снигиревой

Контактные данные:

620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19;

(343) 375-46-09; rector@urfu.ru; http://www.urfu.ru

Заверяю

Начальник отдела
документационного обеспечения
управления

Звигунко Т.Е. / Звигунко Т.Е.